

Нора Штеллер
Новое время

Нора Штеллер

Новое время

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=44555455

ISBN 9785005038210

Аннотация

Архангел и вампир – не пара друг другу. Ни один закон не предусматривает связь между светлым и темным существом. Но они решили переступить эту черту и бороться за свою любовь вопреки всему. Однако с появлением на свет их сына оба они подверглись каре за свой грех. Мать успела передать сына своему отцу, прежде чем отправиться в Забвение. И вот, спустя сотню лет, они вдруг получают письмо от нее. Юноша отправляется на поиски родителей, но даже не представляет, сколько приключений его ждет.

Содержание

Введение	5
Пролог	6
Глава I, об окраине Икериса	15
Глава II, о замке Исчадий Ада	29
Глава III, о клане Дети Ночи	40
Глава IV, в которой Анкерпрасад засыпает	61
Глава V, об организации Мафиози	73
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Новое время

Нора Штеллер

Иллюстратор и автор обложки Полина Зизевская

Соиллюстратор Алина Симонова

© Нора Штеллер, 2019

ISBN 978-5-0050-3821-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Введение

Дорогой читатель! Вы держите в руках книгу, которая с первых страниц наполнена эмоциями и событиями, способными зацепить Вас, разжечь интерес к описанной здесь истории. «Новое время» – это роман в жанре фэнтези, но даже несмотря на то, что главные герои не являются людьми, они так же человечны. Здесь повествуется о борьбе – борьбе за любовь, власть, право быть с близкими и любимыми людьми... кроме того, это также борьба с самим собой, конфликт сердца и разума, попытка достичь своей цели, при этом жертвуя как можно меньшим.

Помимо захватывающих боев и трогательных сцен, Вас, читатель, ждет путевка в авторский мир, который чем-то очень напоминает наш, реальный. Этот роман стал первым из цикла, который будет посвящен истории этой альтернативной реальности. Надеюсь, Вам понравится. Приятного прочтения!

Пролог

Звонкий смех разнесся по залитой светом поляне, разрывая тишину и, кажется, вовсе отпугивая лесных жителей. Девушка с явным удовольствием повалилась на мягкую траву, вглядываясь в голубое небо. Сейчас ей не о чем переживать. Они далеко от поселений, их никто не должен увидеть и тем более осудить. Она понимала, что на счету каждое мгновение, проведенное вместе с ним, каждая секунда и минута. Но они, казалось, вовсе не замечали, как рассвет сменялся закатом. Им хотелось просто прожить это время вместе, не отвлекаясь ни на что, чувствуя и понимая друг друга не с полуслова, а прямо-таки без слов.

Рядом всего на мгновение мелькнула чья-то тень. Девушка перевернулась на живот, свысока смотря на своего друга. Он улыбался, жмурил глаза от света и смешно надувал щеки, которые так и хотелось лопнуть.

Однако стоило ему открыть глаза – и в них читалось беспокойство, волнение, в них можно было заметить много переживаний, но девушка искренне не понимала: почему? Они вместе, тут нет людей, некому взмолиться к Отцу о том, что его первенец играет с запретным плодом, что уста его близки к нему и что он настроен вот-вот откусить заветный кусочек. «Нас не этому учили!» – в сомнении повторял он раз за разом. «Я не должен!» – его нежелание и сопротивление

сходили на нет с каждым мигом. «Но как же я хочу...» – и он понимал, что может согрешить, один раз в жизни может. Первый и последний раз.

– Что-то случилось? – недоуменно выгибая бровь, спросила она прямо. – Ты чем-то обеспокоен. Расскажи, чем?

Он поморщился: душевные разговоры – не его стихия. Тем более если говорить о чем-то таком. Это можно было смело назвать личным, тайным, сокровенным. Тем, что даже самому близкому человеку рассказывать не решаешься.

Он сел, расправляя и тут же расслабляя тяжелые крылья – те уже заныли под его весом. Архангел явно нехотя согласился, дожидаясь, пока девушка пристроится напротив, и тщательно подбирал слова, чтобы, не дай бог, ничего не спутать:

– Да, есть немного.

В ответ девушка иронично усмехнулась: точно ли немного? Но прерывать его не стала. Было видно, что слова тому даются с трудом.

– Я боюсь, что заповедь о том, будто Отец все видит, – правда. И боюсь, что однажды за подобное по голове он нас не погладит. Мне нельзя испытывать чувства к кому-либо.

Девушка улыбнулась, и улыбка ее была похожа на улыбку змея-искусителя. Она не хотела, чтобы он переживал из-за подобного, чтобы ненароком разгневал своего Отца, но не хотела и отпускать его, даже ради его спокойствия. А он, вообще-то, и не хотел уходить.

– С чего ты взял, что ему есть дело до нас?

Кажется, вот этого трепета в голосе архангела при упоминании Отца девушка не поймет никогда. Кроме них двоих, есть еще целая масса проблем, возложенная на его могучие плечи, и переживать не стоит: их не заметят, пока они не ткнут в лицо им всем свою любовь. Конечно, на что-то подобное ни он, ни она не смогут решиться никогда в жизни. И это даже успокаивало.

Мужчина покачал головой, но возражать не стал. Что будет дальше – он не знал, но по крайней мере сейчас ему было очень даже хорошо. А что станет из этого потом – неважно. Конечно, подобный подход к таким вещам ему не нравился от слова «совсем», но еще больше ему не нравилась перспектива бросать девушку здесь, на земле, а самому возвращаться на Небеса, где творится самый настоящий хаос. Пока его не ищут, он и не уйдет. Нет желания, нет возможности, да и причин, однако, тоже не находится.

– Хорошо, возможно, ты права. Я зря переживаю, – архангел вздохнул, кидая короткий взгляд на небо и вновь заваливаясь на мягкую, пусть уже и чуть примятую траву.

– Я все еще не уверен, что было хорошей идеей выходить на улицу в такую непогоду, – мужчина усмехнулся: девушку он еще мог скрыть под навесом своего крыла, но даже такая защита не должна была продержаться долго.

Дождь лил как из ведра, а от больших и тяжелых капель не спасали даже деревья в лесу. Архангел уже устал блуждать

среди них в поисках того самого, способного укрыть их двоих от капель, бьющих по лицу и плечам, норовящим проскочить везде, где только можно.

– Почему же?

– Заболеешь еще.

Он кинул обеспокоенный взгляд на ерзающую под крылом девушку и, дождавшись, пока та успокоится и перестанет возиться не пойми с чем, обнял ее за плечи, улыбнувшись. Порой она была в его глазах большим ребенком, любящим веселье, любящим проказничать. Ему это казалось милым, даже очень, и он хотел видеть ее такой подольше, но также понимал: примет ее любой.

– Думаю, уж с кем, а с тобой мне это не грозит, – улыбнулась она. Не хотелось разочаровать его, сказав, что она и во все не может заболеть.

Девушка огляделась: вокруг столько деревьев, но ни одно из них не могло укрыть, дать время высушить одежду и промокшие крылья архангела, дожидаться конца этой своеобразной атаки на пропитанную человеческими грехами землю.

Она посмотрела на своего спасителя, который пытался помочь укрыться хотя бы ей. Девушка рассматривала его, мягко улыбаясь, и то и дело как-то стыдливо отводила взгляд. Она подмечала малейшие детали: как с русых волос стекала вода, как капли очерчивали овал лица, всматривалась в его прямые черты, глубоко посаженные, удивительного лилового цвета глаза, а задумчивая улыбка каждую встречу запада-

ла ей в самую душу. Отвести глаза было в самом деле невозможно, но через силу и упорство она это сделала, взглядом выискивая хотя бы временный навес для них обоих.

Такой нашелся нескоро: у самого озерка, совсем небольших размеров, склонившись над землей, смиренно замерла ракета. Ее тонкие ветви, увешанные сережками из зеленой листвы, размеренно покачивались при каждом дуновении ветра, но дождевых капель, к счастью, пропускать не смели. Девушка широко заулыбалась, потянув своего компаньона в ту сторону, что-то неразборчиво щебеча о том, как красиво смотрится это место, что было бы неплохо как-нибудь искупаться в озере и вообще стоит облюбовать его, пока сюда не добрались люди из ближайших поселений.

Архангел был с ней полностью согласен. Насколько он уже успел понять людей – те явные любители укрощать природу, убивать ее, показывать, кто здесь главный. Такой подход он терпеть не мог, но и сделать с этим хотя бы что-нибудь был, увы, не в силах, а потому вынужден был лишь молча наблюдать за тем, как умирает, казалось бы, лучшее творение его Отца...

Девушка и подумать не могла, что время может быть настолько быстротечно. И если сначала все действительно было как в сказке, то последние девять месяцев сейчас казались

просто неделей.

И пусть какая-то неясная тревога нарастала в душе с каждым мигом, ее сын, не так давно появившийся на свет, заставлял отбросить все предчувствия на второй план. Она смотрела в его глаза и не могла сдержать улыбку: он был так похож на отца. Девушка держала сына на руках, сидя под сенью той самой ракиты, которая когда-то укрыла ее и архангела от дождя. Ребенок смеялся, и детский смех, словно множество колокольчиков, звенел в лесной тиши. Он смотрел на мать, протягивая маленькие ручки к ее лицу, тянул к себе пряди ее длинных темно-каштановых волос, рассматривая, а она лишь счастливо улыбалась.

Настолько увлечена она была сыном, настолько ее счастье завладело ею, что девушка не сразу уловила тихий хруст ветвей позади, чьи-то перешептывания... Это точно был не архангел, это были люди. Члены очередной экспедиции, пришедшие вырубать лес и готовые убить любого, кто встанет на пути к их цели, продиктованной корыстью и жаждой наживы. Один человек переломил винтовку, чтобы зарядить, и этот звук заставил девушку отвлечься, а затем вскочить с места. Понимая, что теперь ей нельзя оставаться здесь, она прижала сына к груди, побежав в противоположную от людей сторону.

Позади нее раздался выстрел, незамедлительно повлекший за собой плач испуганного ребенка. Девушка бежала так быстро, как только могла, ловко огибая стволы появлявших-

ся на ее пути деревьев, и знала: людям за ней не угнаться. Но она была встревожена, она понимала, что теперь потеряет все в расплату за свой грех. И невольно она провела параллель между своей тревогой, долгим отсутствием архангела и его опасениями, сложив все в одну картину. Эти люди лишь показали ей, что пришло ее время, а потому единственное, что волновало ее сейчас, – безопасность сына. Девушка понимала, что, возможно, никогда больше не увидит любимого, ведь он говорил о том, что Отец все видит и что он непременно покарает их за этот грех.

Она продолжала бежать, мысленно прокладывая себе дорогу до ближайшего поселения, заставляя перепуганных ее появлением птиц взлетать с пригретых мест на деревьях, а животных прятаться в кусты и свои норки. Небо затянуло свинцово-серыми тучами, контуры которых обрисовывал ярко-алый свет закатного неба, скрытого за ними, вскоре прогремел гром, словно показывая, как разгневан на них Бог. Будто оно готовилось обрушить весь его гнев на девушку, что полюбила...

Плач ее сына заставлял девушку постепенно снижать скорость, ведь она понимала: ему страшно. Ей тоже было страшно, она не знала теперь, что ждет ее впереди. Словно за ней гнался чей-то невидимый призрак, девушка не смела останавливаться – она не устала. Лишь постепенно проваливалась в объятия липкого страха.

– Тише, тише... – приговаривала она, губами практически

касаясь лба сына. – Не бойся, я с тобой.

Она продолжала бежать, понимая, что им дали достаточно отсрочки, и зная, что ребенка ей придется спрятать. Вскоре чаща стала редеть, деревья появлялись на ее пути все реже, и она оказалась на ровном пологом склоне холма, откуда уже виднелись первые дома простых жителей графства. Она знала, сколько ей нужно будет пройти до поместья отца, и даже не думала останавливаться. Больше всего на свете она боялась не успеть, ведь понимала, что оставить сына сможет только ему.

Годы шли, и мальчик рос. Вопреки всем опасениям и страхам его матери, он все же жил с графом, которому девушка успела его передать. Жизнь у дедушки казалась маленькому мальчику отрадной, но при этом граф не баловал внука. Несмотря на то что он был окружен роскошью и заботой со стороны деда, мальчик с детства знал, что не будет жить на всем готовом, и учился самостоятельности.

А когда он стал немного старше, узнал о том, кто такие вампиры, демоны и ангелы, сколько же нечисти и нелюдей в мире, ведь он, оказывается, рос в их окружении и сам таковым являлся. Часто он спрашивал у графа о матери и отце. Последнего мужчина не знал, а потому мальчик всегда мечтал узнать хоть что-то и о нем.

Глава I, об окраине Икериса

Тихий треск дров в камине, полумрак просторной гостиной и еле слышный хруст листа, исписанного черными чернилами, – все это создавало какой-то странный уют, и разрушать его не хотелось совершенно. Возможно, только поэтому мужчина, размеренно покачиваясь в немного скрипучем кресле-качалке, очень редко и с большими перерывами потягивая красную жидкость из бокала, сверлил взглядом аккуратно сложенный лист бумаги. Его недовольство можно было почувствовать, только подойдя: оно было почти осязаемо, заметно, велико. Но графа раздирало изнутри странное противоречие: с одной стороны, он не мог понять, что сейчас нужно было дочери. Зачем она интересуется тем, кого когда-то передала ему, тем, кого граф сам поднял на ноги, взрастил, тем, кем он гордился. И гордится до сих пор. Просто он был чертовски недоволен, что его дочь однажды бросила плод своей большой любви, что пропала. Но он был счастлив тому, что она вернулась, что объявила о себе и даже основала клан в столице.

Возможно, дело в том, что граф этого не понимал. Совсем не понимал, но тем не менее любил. Любил когда-то очень сильно, души не чаял, но теперь – он устал удивляться. А местами и разочаровываться. Как, например, сейчас. Однако недовольство сменялось милостью каждый раз. Не потому,

что она его дочь, и даже не потому, что на самом деле поступает верно, но из-за того, что хотя бы интересуется сыном. Хочет знать, где он, что с ним, даже забрать хочет! Жаль, не может. А графу не слишком хочется отпускать внука черт знает куда. Но кем бы он был, если бы не понимал, что рано или поздно сделать это придется? Невольно Клод – а именно так звали графа – вспомнил, как получил от дочери ту самую весть о внуке...

Пасмурный и холодный день, на его взгляд, портил всю картину начинающегося лета. Клод сидел в своем кабинете, разбирая отчеты и разные договоры по делам графства. В последнее время ему было как-то не по себе, он не видел дочь уже несколько месяцев, более того, она даже рядом с помещьем не появлялась. Это злило и обижало графа, но он был уверен, что у нее найдется достойное объяснение. Клод никогда не признал бы этого, но он ждал ее возвращения и каждый день надеялся, что вот-вот в дверь его кабинета постучат и он увидит на пороге смеющееся лицо девушки. И вот, будто ему в угодую, раздался характерный стук. Граф даже привстал с места, но тут же опустился обратно, увидев лишь дворецкого. Удивлял только младенец, которого тот держал на руках.

Гнев и непонимание овладели Клодом, когда он узнал от дворецкого, что дочь наконец пришла в помещье, отдала ребенка первому встречному из слуг и послала его к отцу

с вестью о том, что у него появился внук – чудный мальчик по имени Анкерпрасад. Спросить ее, почему она сама этого не сделает, никто не успел, ведь, по словам дворецкого, она исчезла. Просто исчезла, оставив после себя только сына. Столько вопросов появилось в голове графа с тех пор, и на многие он по сей день не знает ответа. Клод признал внука сразу же – он был мало похож на дочь внешне (с отворачиванием мужчины находил в его лице черты архангела, которого видел всего раз, но уже тогда невзлюбил). Но его улыбка была точь-в-точь как у девушки, а со временем Клод нашел в нем множество таких же черт характера. Так любовь к внуку и его матери постепенно взяла верх над отворачиванием к его отцу.

– Ты чем-то расстроен? – виновник торжества не заставил себя долго ждать. Юноша уселся на диванчик рядом с покачивающимся в кресле графом и склонил голову к плечу, заинтересованно посматривая на него.

Анкерпрасад Марвари имел приятную внешность, его даже можно было назвать красавцем. На вид ему едва можно было дать двадцать лет. Он не был ни худым, ни толстым, а представлял, пожалуй, золотую середину. Впрочем, он неспроста был самым завидным женихом графства, но жениться пока не собирался. Он часто бывал в обществе, имел друзей и поклонниц, но не думал пока ни о чем серьезном, предпочитая посвящать время самообразованию.

Дед ему всегда казался той еще загадкой: о дочери рассказывал неохотно, о себе – тем более. Как правило, каждый их разговор сводился к тому, что приходилось поговорить о девушке. И даже несмотря на это, говорил граф очень-очень мало и слишком кратко, чтобы потом внук смог хотя бы смутно представить себе собственную мать.

– Нет, я разочарован, – Клод нахмурился, еще раз пробежавшись взглядом по содержимому письма, и поднял взгляд на внука.

– Что, снова с кровью не угодили? – Анкерпрасад заулыбался и поддел пальцами ножку бокала, поднося его к губам и делая небольшой глоток.

– Как вы пьете эту дрянь?

Он поморщился и отставил фужер обратно на столик, чем заставил графа криво усмехнуться. Подобная реакция внука на кровь всегда забавляла его, особенно если вспомнить, как он начинает вести себя во время своих крайне редких голодовок, с каким упоением и довольством пьет ее, а на следующий день брезгует. Впрочем, комментарий Марвари остался без ответа. Клод думал о другом, совершенно ином, нежели о какой-то там крови. Он протянул внуку письмо.

– Ты хотел услышать больше о своей матери? Что ж, думаю, пора бы уже рассказать тебе...

Повозку неслабо трягнуло, и Анкерпрасад вдруг вскочил, ударившись о потолок кареты. Дождь на улице не прибавлял энтузиазма его путешествию, словно предостерегал, просил развернуть возницу и вернуться к графу в поместье. А ведь и правда: сейчас он должен быть на очередном уроке фехтования, проводимом уже не первый десяток лет одним старым, но ловким и быстрым мужчиной. Однако сколько усилий он приложил к тому, чтобы уговорить деда отпустить его из родового гнезда на поиски! Не может он бросить все и вернуться только из-за одного лишь дождя. Не может и не хочет.

Анкерпрасад еще раз достал письмо, которое отдал ему дед, и покрутил его в руках: на конверте не было ни адреса, ни какой-то другой информации об отправителе. Вздохнув, Марвари убрал его обратно во внутренний карман своего пальто.

Ржание лошадей, подгоняемых плетью и криками возницы, отвлекали Анкерпрасада от его насущных и не самых веселых мыслей. Он очень надеялся на то, что до нужного города, гордо носящего название Икерис, осталось ехать совсем немного, что скоро тряска в карете закончится, а он, собственно, найдет свою мать. Хотя бы для того, чтобы узнать, почему же и она, и отец бросили его когда-то. Он хотел остаться с матерью, увидеть отца, но даже простым ответам

на вопросы был бы безумно рад.

Путь до заветного города занял два с половиной дня, но ничего существенного, кроме ежедневного заката Белой Звезды и затмения ею Картаса, не произошло. Все это время Анкерпрасад практически безвылазно проводил в карете, останавливаясь лишь на ночь в каком-нибудь трактире, где ужинал, отсыпался и завтракал, а затем днем – уже в другом месте, чтобы пообедать. Все это время его голову не покидали мысли о родителях, о том, что он скажет матери, когда найдет ее, что скажет ему она... Но сколько бы разных вариантов их встречи он ни придумал, нельзя сказать, что хоть один из них воплотится в реальность. Может, он вообще не сможет ее найти.

Тем не менее эти два с половиной дня подошли к концу. Экипаж въехал в город по относительно ровной дороге, местами усыпанной уже пожелтевшими листьями. Кучер остановил лошадей у одной из небольших, но достойных гостиниц города и ожидал, пока господин выйдет из кареты. Но Анкерпрасад не сразу заметил остановку, он даже не заметил, как въехал в город, будучи погруженным в свои собственные мысли. Вернувшись в реальность, Марвари огляделся: пейзаж в виде дороги, казалось бы, бесконечной полосой расстилающейся впереди, деревьев, которые природа

раскрасила в осенние цвета, и полей, с которых трудолюбивые земледельцы собрали уже весь урожай пшеницы, смеялся городским.

Оказавшись на тротуаре, выложенном из серого камня, Анкерпрасад, недолго думая, зашел в холл гостиницы, чтобы сейчас же переключиться на реальность, отбросив пока мысли о том, чего может и не быть, в сторону.

Номер ему выделили хороший: небольшой, но уютный. Конечно, с его комнатой в поместье деда это нельзя было сравнить, однако Анкерпрасад был готов жить здесь ради неустанных поисков. Из окна можно было увидеть башню часовни, которая возвышалась над остальными строениями города, гордо являя всем свои часы, стрелки которых показывали без четверти три пополудни, множество двухэтажных многоквартирных белых домов, выполненных в одном стиле. Где-то ближе к западной части города виднелись богатые и не очень поместья, а также различные лавки и магазинчики, которые были поблизости. Нельзя сказать, что отсюда весь город был виден как на ладони, отнюдь нет, но все, что находилось более или менее близко, разглядеть было можно.

Сейчас не было смысла оставаться в гостиничном номере, да и не хотелось. За все время, проведенное в пути, Марвари действительно устал сидеть и предпочел бы этому занятию прогулку по городу. Он мог хотя бы получше узнать это место, ведь ему придется жить здесь весьма и весьма неопределенное время, мог бы поспрашивать кого-нибудь из мест-

ных о кланах, ведь дед рассказал, что где-то здесь, в этом городе, его мать основала клан, и наверняка небезызвестный. А потому эта идея имела место быть, вытесняя все остальные мысли из головы, становясь самой первоочередной целью, тем лучиком надежды, обещающим дать хоть какую-то зацепку.

Анкерпрасад вышел из здания гостиницы, сразу же направившись вдоль по тротуару, чтобы для начала обследовать улицу, на которой живет. Небо было на удивление чистым – в осенние месяцы это бывает редко, а косые лучи уже прошедшей зенит Белой Звезды практически не грели воздух, заставляя мужчин надевать плащи, а дам кутаться в шали. Легкий, но прохладный ветер подхватывал своими потоками опавшие желто-оранжевые листья, бросая их в лица особо незадачливых прохожих, разносил по всей улице запах свежей выпечки из местной пекарни, заманивая покупателей и привлекая детей. Вокруг было довольно много людей, и жизнь в городе шла своим чередом. Все прохожие в основном шли парами, о чем-то разговаривая.

Анкерпрасад шел, рассматривая каждого встречного, ненавязчиво, аккуратно, но стараясь подцепить как можно больше деталей во внешности, хоть какую-то знакомую черту лица, в особенности глаза, однако ни в одной женщине не замечал ничего похожего на смутный портрет, столь бережно хранимый в памяти. Но еще рано было терять надежду, да и в целом так он вряд ли чего-то добьется.

Невольно Марвари вспомнил, как еще в детстве был в столице вместе с дедом, и с того времени здесь многое изменилось. После свержения парламента Икерис стал каким-то угрюмым, и даже несмотря на красоту архитектуры и природы, здесь будто чувствовалось напряжение, беспокойство, словно каждый житель не мог засыпать спокойно, и это смятение десятков тысяч людей буквально пропитало собою воздух. Нетрудно было догадаться, что кланы появились не просто так, а для какой-то цели, и целью была власть. Анкерпрасад не знал, за что же борется его мать, но отчего-то был уверен, что ею движет не корысть, а что-то более светлое и чистое. Ошибся он в своих суждениях или нет – судить вам, но Марвари ни за что не хотел верить в обратное.

Встречные девушки с интересом разглядывали молодого человека, явно улавливая в нем что-то, указывающее на то, что он не из местных. А если их взгляды вдруг пересекались, те смущенно отводили глаза в сторону, стыдливо прикрывая их широкими полями своих шляпок, украшенных различными перьями, цветами и всем, чем только было можно.

Тем не менее ничто не бывает бесконечным, а потому сначала подошел конец довольно-таки хорошей погоде: ветер подул сильнее, бросая задумчивому юноше на лицо пряди его вьющихся русых волос, которые не сильно фиксировала на затылке тонкая черная лента; затем Белая Звезда скрылась за пригнанными порывами ветра облаками, а вместе со всем этим закончилась и улица, поставив Анкерпрасада

перед выбором: направо ему идти или налево, ведь дорога теперь разветвлялась.

Марвари направился вправо. Туда, где даже с его нынешнего места можно было разглядеть верхушки деревьев, являющихся, скорее всего, лесом. Следовательно, и одна из окраин города находилась там же. Поэтому он и пошел туда, ведь, как ему казалось, так риск потеряться будет меньше, а судя по портящейся погоде, сейчас не самое время плутать по столице. Кроме того, именно на окраине можно было отыскать особо умных и знающих обо всем, что здесь происходит, людей. Того и гляди, и Анкерпрасад сможет выведать что-нибудь полезное для себя.

Как и в любом другом городе, на самом краю можно было найти побитый жизнью и временем бар. На вывеску подобного заведения Марвари сейчас и смотрел, пытаясь прочесть покосившиеся буквы. Это место можно было принять за обычную заброшенную таверну, если бы не народ, состоящий в основном из самых низов общества, печально стекавшийся в небольшое здание. Анкерпрасад на их фоне выглядел несколько странно. С одной стороны, контраст выходил неплохой, а с другой – самому было не слишком приятно находиться здесь. Но выбирать не приходилось, потому Марвари уверенно раскрыл скрипучие двери бара, заходя внутрь.

Неудивительно, что внимание он привлек сразу же, но, к счастью или нет, комментировать его появление в подобном захолустье никто не решился. Стоило Анкерпрасаду

упасть на один из скрипучих стульев у барной стойки, гул разговоров вновь поднялся такой же, каким был до его внезапного появления.

Явно нехотя к новому клиенту подошел хмурый бармен. Он усталым взглядом окинул юношу, для себя отметив его выскочкой, и, не успев сказать и слова, получил вопрос:

– Где здесь можно найти хорошего наемника?

Анкерпрасад трезво рассудил: сейчас ему стоит подыскать себе компаньона на время поисков. А если он будет местный и дорогой, то можно будет и о кланах спросить, а, возможно, еще и ответы получить!

– Сомневаюсь, что тебе хватит карманных денег на одного из наших наемников...

Мужчина криво усмехнулся, кажется, собираясь добавить что-то еще, но был бестактно прерван:

– Молись, чтобы я принял это за очень неудачную шутку, – Марвари улыбнулся, обнажая клыки и заставляя горе-шутника еле заметно дернуться. – Итак, где он?

Мужчина с огромным нежеланием кивнул в сторону самого дальнего углового столика. За ним, задумчиво сверля взглядом фонарь за окном, в полнейшем одиночестве сидела на вид хрупкая девушка. Зато, как успел заметить Анкерпрасад, до зубов вооруженная. Ни слова не сказав бармену, юноша широким шагом направился к нужному столику.

Девушка заметила его благодаря отражению в стекле и, возможно, именно поэтому инстинктивно схватилась

за мушкет в кобуре. Не хватало еще, чтобы всякий молодец к ней подкатывал – уж чего-чего, а этого она терпеть не могла. Впрочем, и переживала-то она зря – Марвари всего лишь хотел заключить контракт, а заодно решил поспрашивать о местных кланах. Точнее, об одном из них...

– Что? Клан с вампирами? – девушка удивленно вскинула брови, но тут же задумчиво нахмурилась. – По слухам, есть такой... Но сомневаюсь, что твой интерес утолят эти разговоры.

– Мне нужно знать хоть что-то о нем. Можешь рассказать? – Анкерпрасад принял самый заинтересованный вид. Он ничуть не врал, ему правда пригодилась бы абсолютно любая информация.

С девушкой он успел познакомиться и даже обсудить детали контракта, но вот разговора о кланах она избегала до последнего. Назвалась она Франсуа Гольц, и, как показалось Марвари, это имя ей не слишком нравилось.

– Я не могу понять, зачем тебе это нужно? И к тому же я сама знаю о них не больше, чем любой другой человек в городе.

Анкерпрасад на мгновение сощурился: задумчиво и как-то подслеповато. Нельзя было сразу говорить о том, что, возможно, в этом самом клане основатель – его собственная мать. Ни в коем случае нельзя было. Может, стоит приврать?

– Хотел вступить...

Девушка расхохоталась, прерывая Марвари и привлекая

к себе внимание остальных: звонко, словно он рассказал ей свежую шутку. Сначала Анкерпрасад даже растерялся, неуверенно косясь на собеседницу.

– Слушай, парень, – успокоившись, негромко начала она, утирая скопившиеся в уголках глаз слезы. – Предположим, что этот клан существует. Но вступить в него просто так нельзя, это же очевидно! Выбрал бы ты себе менее завышенное место, что ли?

– Например? – Анкерпрасад заинтересованно сверкнул глазами.

Каким образом эта информация ему пригодится, он пока понятия не имел, но тем не менее знать хотел.

– Например, есть еще два клана. Тебе может подойти, скажем, Исчадия Ада – древний клан с кучкой демонов, – ответила на немой вопрос Франсуа, улыбнувшись. – Вампиров там тоже жалуют, если ты из этих...

– Можешь поподробнее о нем рассказать?

– Да нечего там рассказывать. Сначала разбоями в городе занимались, а как пошли слухи о твоём загадочном клане, так они только за мафиози гоняться начали. Некоторые даже поговаривают, что Исчадия с этим вампирским кланом дружны. Лично я считаю это бредом, но толпу не переубедить.

Сказать, что подобное заинтересовало Марвари, – словно не сказать ничего. Слухи ведь тоже не с потолка достали, от кого-то же пошли, и, скорее всего, от знающего человека.

Анкерпрасад для себя решил, что стоит удостовериться в их праведности, но самому сделать это не выйдет.

– А ты не хочешь проверить эти слухи? Найти доказательств?

– Что?.. Даже не думай! Это ужасная идея! – тут же вспела девушка, всплеснув руками и уже собираясь вскочить, чтобы уйти.

Марвари попытался ее остановить, схватив за запястье, и тут же оказался с мушкетом у виска. Казалось, в баре повисла гробовая тишина, прерываемая лишь частым дыханием повздоривших.

– Пусти, – негромко произнесла Франсуа, дергая рукой. – Пусти или мозги вышибу.

– Я заплачу втрое больше, – так же тихо ответил Анкерпрасад, чувствуя, как дыхание учащается.

– Зачем тебе туда нужно? Только честно. Ты явно не за тем, чтобы вступить, ищешь информацию об этом своем клане.

Марвари сглотнул, на мгновение прикрывая глаза, задумавшись. Если сейчас он не расскажет, то не факт, что вовсе в живых останется.

– Я расскажу, но не здесь.

Он окинул коротким взглядом помещение: тишина сменилась перешептыванием, на них двоих были устремлены практически все косые взгляды.

Глава II, о замке Исчадий Ада

Делать нечего – едва дверь гостиничной комнаты закрылась, Анкерпрасад начал свой рассказ. Начал его издали, как, точь-в-точь как рассказывал дед, так и юноша старался не углубляться в историю, сокращая ее до минимума и оставляя только суть. А суть была такой: Марвари ищет мать, и судя по разговору с дедом, она находится где-то в этом городе и тут же основала собственный клан. Это немало удивило Франсуа, но тем не менее поняла его она полностью. И, увы, теперь уже отказаться не могла: она сама когда-то потеряла родителей, близких, даже друзей, осталась совершенно одна в этом мире и не могла допустить, чтобы с Анкерпрасадом случилось то же самое. Даже несмотря на то, что он, впрочем, как и она, «не такой». Да и от лишней монеты в кармане отказаться она не смела.

– Хорошо, – неторопливо начала девушка, обдумывая каждое слово наперед. – Я помогу тебе. Но, учитывая охрану этих Исчадий, нам придется продумывать план до мельчайших деталей.

– Это само собой, – покивал Анкерпрасад, кинув короткий взгляд на дверь: скоро, он надеялся, должны были принести чай и закуски, но работники гостиницы, видно, с этим не спешили, отчего он лишь нервно постукивал подушечками пальцев по подлокотнику кресла. – Пока мы сюда шли,

я уже начал думать об этом. Если у их штаб-квартиры есть подвалы, то можно пройти через них.

– Подвалы-то есть, но проблема в том, что их штаб – это целый замок. Странно, что ты не заметил его, когда подъезжал к городу. Приходилось там бывать, зато теперь на меня объявлена охота среди этих... животных, – она с презрением произнесла сквозь зубы последнее слово.

– За какие такие заслуги?

– Не это важно. Важно то, что в подвалах у них темницы и пыточные комнаты, так что туда нам путь отрезан. Можно рискнуть и войти через главный вход, но сомневаюсь, что в этом случае мы вообще выживем.

– А может, через черный ход?

Признаться, юноша понятия не имел, каким же образом можно пролезть в замок, битком набитый различного уровня демонами. Конечно, такой расклад не мог не расстраивать, что уж говорить, но отчаиваться Анкерпрасад не собирался, напротив, решив для себя ни за что не отступить от начатого. Не зря же он и эту девушку нашел, и графа уговаривал? Бросить все сейчас значило показать слабость, опустить руки. Но Анкерпрасад был не из тех, кто сдается при первой же неудаче, особенно если удачи как таковой еще и не было. Есть проблема, но нет решения. Вернее сказать, решение-то есть, и ого-го какое! Его реализация наверняка запомнится надолго, но вот в чем беда: как именно реализовать его, никто не знал. Очевидно, никто, кроме Франсуа.

В дверь негромко постучали, и Гольц, кажется, собиравшаяся изложить хотя бы общие черты плана, построенного в голове, замолчала. Марвари лишь виновато улыбнулся, поднимаясь с места и открывая дверь: на пороге, мило улыбаясь, стояла невысокая девушка в униформе. Было видно, что она устала и слегка удивилась тому, что в номере сидит наемница, вокруг бардак, а эти двое так резко прекратили свои разговоры. Анкерпрасад невольно почувствовал себя каким-то заговорщиком, коим он вообще-то и являлся. Он поблагодарил девушку, забирая поднос и прикрывая дверь. Франсуа проводила его недоуменным взглядом, который тут же перевела на содержимое подноса.

– Что это?

– Чай, печенье, конфеты... Или что-то не так? – Марвари поставил посуду на столик, вновь усаживаясь в кресло и пододвигая к себе одну из чашек.

– Нет, все в порядке, – Франсуа, недолго думая, неуверенно последовала его примеру, пробуя на вкус горячий напиток и тут же удовлетворенно выдыхая.

Атмосфера складывалась какая-то уютная, оттого и непривычная для обоих. Прерывать ее ни у кого не было желания, но и продлевать не слишком хотелось, потому как времени на это не было совсем.

– Итак, – Гольц отставила чашку и взглянула на своего собеседника: тот поспешил сделать то же самое, обращаясь в слух и внимание. – Думаю, провести в замок я тебя смогу,

но внутри мои возможности заканчиваются. Пройти можно через черный ход, но в самом замке ориентироваться будет очень трудно, при этом, зная, что по его коридорам шастают демоны, остаться незамеченными будет практически нереально.

– Я думаю, нам нужно будет пробраться в спальню главы. Знать бы еще, где она...

– Я знаю, – как-то неуверенно отозвалась Франсуа, будто не желая говорить об этом. Еще одно пятно на ее биографии, которое, увы, стереть совсем не вышло. – Знаю, где она. Но почему именно туда?

– Ну, там могут быть какие-нибудь документы, подтверждающие союз кланов? Или хотя бы записи, в которых расписана причина, по которой Исчадия перестали убивать мирных жителей и взялись за Мафию? Например, дневник, какие-нибудь записки, письма... В личных покоях можно найти очень много полезной информации.

Он определенно знал, о чем говорил: нередко в детстве, желая не в лоб, а в обход узнать больше о матери, так как дед с неохотой говорил о ней, приходилось хитрить. Мальчик пробирался в покои графа, но информацию о дочери онго не находил, вместо нее были документы о найме людей, купле-продаже скота и разных продуктов для него самого, много договоров с поварами и няньками и неотправленные письма какой-то девушке, имя которой дед даже на бумаге не упоминал. Зато о матери – ничего. Ровный ноль, пустота.

Утром следующего дня Анкерпрасад встал рано, для себя даже очень. Только-только занимался рассвет, окрашивая небо в малиново-оранжевые цвета, тем не менее на улицах уже ходили редкие прохожие, город просыпался. Марвари встал в такую рань, потому что его окутывало легкое чувство волнения, предвкушение грядущей опасности и, возможно, зацепка, которая подтолкнет его к разгадке тайны, узнать которую он хотел уже около сотни лет. Конечно, по вампирским меркам не так уж и много, но для самого юноши это было мучительно долго. От одной лишь мысли о разгадке бабочки в животе начинали порхать, щекоча изнутри. Встреча с Франсуа была назначена на восемь утра: у Анкерпрасада было еще два с половиной часа, чтобы подготовиться, пусть он и позаботился обо всем с вечера, хотя бы морально.

Все детали плана они с Гольц обсудили вчера за чаем, а потому их целью на сегодня было выжить и добраться до покоев главы Исчадий Ада, чтобы хоть что-то там разузнать.

Ровно в восемь Марвари уже ждал свою напарницу в назначенном месте, а именно на площади у башни часовни, поскольку это самый лучший ориентир для Анкерпрасада, почти не знающего Икерис. Девушка не заставила себя долго ждать, подойдя к юноше за минуту до того, как часы проби-

ли восемь. Обменявшись приветствиями, они вновь повторили детали плана, а затем Франсуа повела своего заказчика к замку.

Пробираться сквозь не очень густую чащу труда не составило, особенно с таким проводником, как Франсуа. Девушка легко ориентировалась в лесу, постепенно приближаясь к строению, которое, действительно, становилось заметно, стоило лишь подойти к юго-восточной окраине города. Одна, как можно было понять, самая высокая башня замка возвышалась над тянущимися к небу деревьями, словно хотела прорезать своим шпилем облака, а рядом виднелись шпили башен пониже.

Замок являл собой не самое дружелюбное и гостеприимное место, ведь стоило лишь приблизиться к большой поляне, на которой он находился, как герои словно почувствовали весь негатив, идущий от обитавших здесь демонов, вся эта тьма словно была осязаема. Темно-серый, он явно не привлек бы заплутавшего путника, и даже около широкой многоступенчатой лестницы, ведущей к большим дверям, что и были главным входом, с разных сторон сидели довольно большие уродливые горгульи. Что уж говорить об облицовке фасада, практически полностью украшенного резьбой, наглядно иллюстрирующей демонов, искаженных страдания-

ми людей, разного рода грехи, что, в общем-то, не без удовольствия созерцали обитатели замка, когда входили в него. На самом входе никакой охраны не было.

– Нам не сюда, – шепнула Франсуа, кинув выжидающий взгляд на не без любопытства разглядывающего замок Марвари.

– Да, я иду, – сказал он, посмотрев на девушку, которая, стараясь делать это как можно тише, пошла дальше, обходя замок.

Они не вышли на самую поляну, скрываясь в зарослях, которые обрамляли ее и сквозь которые можно было видеть большую часть замка, в то время как их мог мало кто заметить. Пусть и пробираться сквозь них было тяжело, они смогли дать крюк, и Анкерпрасад увидел дверь, сиротливо находящуюся в пустой стене, путь до которой был чист. Вообще, это и показалось Марвари странным. Или все в замке спят, или просто не уделяют охране никакого внимания, зная, что на них лишь дураки нападут. Скорее всего, последнее и являлось причиной отсутствия какой-либо стражи, ведь подобная самоуверенность так свойственна демонам, и весьма небезосновательно.

Прячась в кустах, сверху заботливо прикрытые от любопытных глаз широкими ветвями сосен, Франсуа и Анкерпрасад еще раз оглядели весь замок: ни с башен, ни с окон, ни где-либо за ними не наблюдали, да и не наблюдали вообще, и это было на руку лазутчикам, которые поспешили прибли-

зиться к черному ходу.

Пробравшись через колючий куст ежевики, на счастье обоих, не повредив одежду и тем более конечности, героини оказались на поляне и, недолго думая, подбежали к двери, стараясь делать это как можно тише. Никто их не заметил, поэтому можно было заняться дверью. Правда, стоило Марвари с легким усилием потянуть ее на себя, как та сразу же поддалась, очевидно, не будучи даже запертой.

Перед героями предстал темный пустой коридор, куда они и зашли, закрыв за собой дверь, и тихо, стараясь даже дышать бесшумно, пошли вперед. Поскольку оба они видели в темноте, никому не составляло труда ориентироваться здесь. Примерно через дюжину шагов коридор закончился небольшой лестницей, ведущей к еще одной двери. Поднявшись по ней, Франсуа прильнула к замочной скважине, оглядев находящийся за дверью коридор замка настолько, насколько ей позволяло ее положение.

К огромному удивлению одной, и следующий коридор был чист, зато чуткий слух мог уловить чьи-то голоса. Едва девушка схватилась за ручку двери, как из одной из комнат за дверью чуть ли не бегом вышла какая-то дама, раскидывая по коридору множество красных рубинов. Она явно была в гневе. Франсуа быстро спустилась с лестницы, негромко шепнув юноше о том, что стоит спрятаться, и схватила того за руку, уводя в какую-то из комнат. К ее удивлению, голоса здесь были четче, но все равно такие же неразборчивые и мо-

нотонные, словно говорил один человек, и говорил тихо, глотая звуки и слова. Гольц снова наклонилась, чтобы разглядеть происходящее в коридоре сквозь замочную скважину. Через пару мгновений дверь распахнулась, ударяясь о стену, а незнакомка, все так же оставляя после себя небольшие рубины, понеслась куда-то по коридору: очевидно, на улицу.

– Кто это был? – еле слышно спросил Анкерпрасад, удивленно смотря на Гольц.

– Понятия не имею, – так же тихо ответила та, глубоко вдохнув, выпрямилась и вышла из укрытия.

Больше ждать не следовало: наверняка за ней кто-нибудь побежит и, не дай бог, заметит их обоих. Стоило пройти коридор как можно скорее, ведь до заветной спальни было недалеко. Франсуа в пару легких скачков достигла лестницы, пригибаясь, словно воришка, и поднялась по ней. Марвари последовал ее примеру, окидывая коридор заинтересованным взглядом, но не забывая следить и за своей компаньонкой.

– Она права! Мы не можем ждать целую неделю! – донесся звонкий голос из комнаты в самом конце коридора. Франсуа, кажется, очень заинтересовалась этим разговором и решила немного пренебречь планом, уверенно, пусть бесшумно и медленно, зашагав в ту сторону. Анкерпрасад бы остановил ее, но понял, что другого хода тут нет и остается лишь подслушивать – вдруг услышат что-то полезное?

– Если я того пожелаю, вы прождете целый месяц, а то

и год, это вам понятно?

Грубый мужской голос отдавал явным высокомерием, превосходством. Такой знакомый Франсуа и такой ненавистный. Гольц почувствовала, как собственное сердце ускорило свое биение, как по вискам начал стекать холодный пот. Ее охватила паника, тихая, но смертоносная, появилось желание лезть на стену, метаться, как тогда, от боли. Только теперь эта боль была лишь воспоминанием, но таким сводящим с ума... Этот голос открывал шкатулку, спрятанную за семью замками. Ее собственный страх перед прошлым, то, от чего она, думала, избавилась, едва покинув стены этого замка однажды. Анкерпрасад безошибочно распознал эту готовность девушки разрыдаться прямо здесь и сейчас, а потому, пусть и не знал причины такой резкой смены настроения, попытался ее успокоить, аккуратно погладив по плечу, при этом ближе подходя к двери.

В помещении за ней воцарилась тишина. На слова того мужчины было просто некому и нечего ответить. Тем не менее продолжалось это недолго, первой заговорила какая-то девушка.

– Да, мы согласны подождать неделю, но не больше, – как-то даже примирительно сказал приятный девичий голосок, заставивший большинство фыркнуть, но слова против никто не сказал.

– Если смотреть в корень проблемы, я вообще против союза с Детьми Ночи. Нам от этого нет никакой выгоды, – по-

слышался уже более громкий, более грубый, но не лишенный женственности и некоторой красоты голос. Еще несколько человек ее поддержали, как можно было понять по поднявшемуся легкому гулу.

– Заткнитесь! Нам куда проще сражаться в союзе против двух кланов, чем в одиночку против трех. Как можно этого не понимать? Хотя... некоторые из вас действительно ни на что не способны, – постепенно тот же голос, при звуках которого на Франсуа накатили эмоции, переходил из грубого и властного в уставший.

Услышав его снова, Гольц прикрыла рукой рот, что было сил стараясь сдержать нахлынувшие одной волной болезненные воспоминания. Не время давать слабину. Марвари видел это, а потому попытался как-то отвлечь ее.

– Может, Дети Ночи – это и есть тот самый клан? – прошептал он, глядя на Франсуа.

– Может быть... – раздался голос позади них, заставив обоих обернуться на говорящего, а Анкерпрасада схватиться за револьвер.

Перед ними стояла та самая девушка, которая буквально десять минут назад покинула зал. А по полу рассыпались небольшие сапфиры, появившиеся из ниоткуда.

Глава III, о клане Дети Ночи

Она не любила людные места. Они никогда не затягивали, наоборот – только отталкивали. Заставляли чувствовать себя одиночкой, тем потерянным человеком, не достойным счастья. Своего счастья в лице, например, верного друга, а может, и целой семьи! Хотя ведь даже один лишь друг мог быть этой самой семьей. Жалко, очень жалко, что у нее даже его не было. Была лишь немая горечь и неприятный осадок от правды: сам Отец не хочет даровать ей то, чего так не хватает истерзанной душе. И это был не крепкий алкоголь на пару с дорогими сигарами, – это как раз то, что она ненавидела больше всего. Алкоголь, курение – в ее глазах это было сродни принятию поражения, слабости, означало, что человек готов сдаться тупой боли, отдаться ей, забыть свое «я», помня лишь то, насколько хороши вино и виски. Она не была из таких. Она привыкла заделывать дыры в своей душе и пустоту в жизни людьми, общением с ними. Это было ее собственным спасением, и она считала это правильным. Так и должно быть.

Тихая и ненавязчивая музыка, создающая обманчивый уют этого борделя, ничуть не отвлекала от насущных проблем. Острое обоняние девушки уловило запах пота и перегара, дыма и духа похоти в каждом из постояльцев, но она смиренно ожидала лишь одного: Чарльз Браун частый посе-

титель этого места, и именно тут стоило его ловить. Такому лакомому кусочку грех скитаться в подобных сараях, ему нужно было пристанище, и девушка могла его обеспечить.

И если она не возьмет его словами – она сделает это силой, а может, и убьет – все ради того, чтобы сохранить свое маленькое гнездышко в тайне от жителей и Мафии. Ибо такие, как Чарльз, падки на деньги, драгоценности и никогда не думают о собственной шкуре: им лишь бы ухватить больше, и плевать, что тогда, возможно, потратить все придется только на собственные похороны. А еще они тянутся к женщинам. Желают их на инстинктивном уровне, намного ниже какой-то там любви, просто потому что могут, чем порой от животных не отличаются. Тут у нее было огромное преимущество: она красива, правда красива, очаровательна и даже мила. И это не значит, что она продает себя за какого-то там члена клана, но она вполне способна обворожить, утянуть за собой, заставить подписать контракт собственной кровью. О, она не продавала себя, потому что знала: пришедшие к ней однажды уже не в силах покинуть клан, не в силах выбраться из-под ее крыла и начать жить самостоятельно. Не под угрозой смерти, нет. Они слишком приживаются, для них члены клана становятся братьями и сестрами, а она, их глава – матерью, бросать которую нельзя и не хочется совсем. Это не угроза смерти, это угроза одиночества.

Двери распахнулись, являя посетителям и работникам – местным куртизанкам, желающим отхватить кого-то краси-

вого и богатого, но получавшим лишь страшного и похотливого, – того самого человека, которого девушка дожидалась. Переборов себя (что сделать было, вообще-то, очень трудно и даже неприятно), она сняла с головы капюшон плаща и уверенно помахала новоиспеченному, но довольно частому посетителю рукой, невзирая на удивленные взгляды, а затем широким шагом подошла к нему.

– За мной, – несмотря на дотошно приветливое выражение лица, холодно кинула девушка, разворачиваясь и усаживаясь за барную стойку.

С Чарльзом нечто подобное случалось впервые, что было даже подозрительно. Он не чувствовал угрозы даже на подсознательном уровне! Зато заметил за собой мгновенный трепет, впрочем, тут же исчерпавший себя. Были ли тому причиной глаза незнакомки, в коих плескалось старательно скрываемое высокомерие, то и дело проскакивающее во взглядах и жестах, в манерах, даже в шагах! – он не знал. Брауна потянуло за ней, будто он сейчас не властвовал над телом, словно оно жило своей жизнью, а хозяин остался за бортом на пару с разумом. Впрочем, вскоре от подобного чувства осталось лишь неприятное (нужно ли там это «не»?) воспоминание.

– Вы чего-то хотели от меня? – он попытался заглянуть в кроваво-алые глаза, чуть щурясь, но девушка отводила взгляд, словно чего-то выжидала, и задумчиво улыбалась.

О, она была довольна произведенным эффектом, несо-

мненно. Это было заметно сразу, и не сказать чтобы Брауну это нравилось.

– Меня зовут Селена, – неторопливо начала она, кажется, уже не желая дожидаться занятого уборкой рабочего места перед следующей сменой бармена. – Но для вас я могу зваться госпожой. И, о нет, не то, о чем вы подумали.

Уже привычная для Селены процедура не вызвала ничего, кроме беззаботной улыбки, и она едва наблюдала, как вытягивается в удивлении лицо собеседника.

– Я предлагаю вам вместо скитаний по городу постоянный дом, семью и друзей, но взамен... вы должны будете помочь мне в одном деле. Я не принимаю отказа.

– А что, если я не хочу? Должна же быть альтернатива?

Чарльзу не нравилось его нынешнее положение в обществе: его не замечали, а вечера проходили в безмолвной беседе с собственной тенью, ползущей по стенам и скрывающейся от режущего глаза света свечей, но и из возможного договора нужно было вытянуть как можно больше выгоды для себя.

Очевидно, Селена это распознала сразу. Как именно – было загадкой, но распознала точно, безошибочно. И это, совершенно ясно, ей по душе не пришлось совсем.

– Не стоит увиливать, Чарльз, – она коротко улыбнулась, смакуя каждую букву его имени, словно пробуя на вкус, чертовски пугая своего будущего «ребенка». Пугая того, кем хотела заменить свою главную потерю.

– Вам не стоит отказываться от моего предложения. Все мои враги рано или поздно погибают, зато друзья... Они живут веками, наблюдают за тем, как сменяются поколения, как их собственные союзы крепчают с каждым мгновением. Я не ожидаю чуда, но и не думаю, что вы столь глупы, чтобы уйти от прямого вопроса, задавая свой в ответ. Итак, я повторюсь...

Она окинула помещение беглым, но внимательным взглядом, удостоверившись в том, что их разговорами уши себе никто не греет. С легкой, смешливой улыбкой, словно Браун только что рассказал забавный анекдот.

– Вы желаете вступить в клан Дети Ночи или же стать для нас мишенью?

Сколько раз она уже задавала этот вопрос? Не счесть в самом деле. Но каждый раз на такой прямой, бьющий в лоб, в самое сознание вопрос отвечали положительно: Селена умела нагнать угрозу в нужный момент, как и сейчас. У бедняги Чарльза и выбора-то нет. Спрашивай сама Смерть людей о том, хотят ли они жить или предпочтут вечный покой, многие слезно будут просить пощады. Но кто знает, может, она задает этот вопрос всем своим жертвам, а пощада для нее – это тот самый покой? Это остается загадкой даже для Селены.

Сейчас Чарльз буквально выбирал между жизнью и смертью: не исключено, что Селена решит убить его на месте, ведь за это ей никто ничего и сделать-то не сможет. Она про-

падет в неизвестном направлении так же быстро и неожиданно, как появилась сейчас.

Выбор был очевиден.

Сквозь чащу леса всегда было тяжело пробираться. Сюда практически не проникал свет Картаса, но едва ли он был нужен кому-то из вампиров. Если Селена уже давно привыкла к такому, то для Чарльза нечто подобное было чуждо. Со всем. И каждую ночь ему придется вот так пробивать себе дорогу через заросли? Наверное, нет, потому как самая тяжелая часть пути через несколько минут была пройдена. Селена вывела вампира на небольшую, правильной будет сказать, даже неприметную тропинку, витиеватой лентой ведущую куда-то вглубь леса. Выйдя на нее, Селена повела его за собой, легко и быстро шагая по ровной вытоптанной земле, не рискуя зацепиться краем плаща за какой-нибудь торчащий сук.

Вскоре и эта часть пути была позади. Проведенное в тишине время шло медленно, оттого и дорога до поместья казалась долгой. Тем не менее вскоре перед Селеной и Чарльзом показали большие кованые ворота с красивыми узорами. Сквозь них можно было разглядеть огромный особняк, что, очевидно, и был домом клана Дети Ночи. Уже спустившиеся на землю сумерки мешали бы любому другому раз-

глядеть здание, но для Чарльза это не было проблемой, поскольку видеть в ночи он мог даже лучше, чем при свете. Калитка тихо скрипнула, впуская обоих на территорию поместья. Выложенная камнем дорожка разветвлялась, уводя вглубь сада, к небольшому фонтану и к зданию, но Селена безошибочно нашла нужную, и они быстро подошли к дверям особняка.

Каблуки ее туфель стучали по дорожке и каменным ступеням, вскоре она остановилась перед большими дверями с длинной вертикальной резной ручкой на каждой. Однако здесь прибегать к ним не понадобилось: по щелчку пальцев двери открылись, впуская пришедших в просторный холл. Обернувшись к Чарльзу, Селена покосилась на него, с любопытством подметив его заинтересованный взгляд, что не могло не вызвать у нее легкую усмешку.

Селена прошла в холл, тут же ступив на темно-красный ковер, коим были устланы все коридоры ее поместья. Огромная люстра, что висела под потолком, тотчас зажглась, а неяркий свет в первые секунды доставлял чувствительным вампирским глазам долю дискомфорта. Но не прошло и полминуты, как все вновь пришло в норму.

Будучи ненадолго ослепленным, Чарльз не заметил появления одного из членов клана. Красноволосый, с бледной кожей, молодой вампир не сводил с Селены глаз, преклонив перед ней колено, и, казалось, не сразу заметил гостя. Однако девушка помогла ему это сделать.

– Чарльз, – она обратилась к замершему в дверях мужчине, – это Гислан, наш дворецкий. Если не найдешь в поместье меня, всегда можно обратиться к нему, – сказала она, улыбнувшись.

«Странно, но теперь она как-то смягчилась», – заметил Браун.

Оба лишь кивнули, смерив друг друга взглядами, и Чарльз пошел за Селеной дальше, к широкой многоступенчатой лестнице, поднявшись по которой становишься перед выбором: направо идти или налево. Глава повернула вправо, направившись вдоль красивых резных перил, а взгляд притягивал холл, который выглядел несколько по-другому сверху и был уже пуст.

Селена проходила мимо множества дверей, как и следовавший за ней Чарльз, как вдруг раздались чьи-то громкие голоса, а затем в коридор буквально вылетела и упала на пол какая-то девушка, чем заставила Селену остановиться и уставиться на нее с явным негодованием. Заметив главу, она мгновенно вскочила на ноги, давая себя рассмотреть: среднего роста девушка с волчьими ушами – именно так мысленно описал ее Браун. Ее черты лица были очень милостивы, а курносый нос добавлял в ее образ что-то бунтарское.

Следом вышла вторая девушка. Словно два зеленых фонаря, ее глаза светились, выражая не меньшую ярость. И тут Селена словно все поняла, а ее взгляд сменился с негодую-

щего на явно недовольный. Сразу же и вторая дама заметила главу, несколько испуганно на нее посмотрев. А Селена, в свою очередь, кинула на них обеих не самый одобряющий взгляд.

– Рамона, опять вы с Бертой грызетесь? – подчеркнуто недовольно спросила она, обратившись к девушке с волчьими ушами. – Я вас уже, кажется, предупреждала. Быстро расходитесь по комнатам, а если так хочется пособачиться, идите в тренировочный зал! – не меняя тон, с явным укором проговорила Селена.

– Простите, – сказав это, Рамона поспешила удалиться в одну из соседних комнат. Ее примеру последовала и Берта, и вскоре вновь воцарилась тишина.

Вздохнув, Селена устало прикрыла глаза. Но оно и немудрено, постоянные конфликты сами по себе раздражали, а осознание того, что они происходят между членами твоего клана, еще и порядком угнетало. Тем не менее глава дошла до нужной двери и достала небольшую связку ключей, между собой различавшихся лишь по цвету камней, которыми была украшена резная головка каждого. Выбрав ключ с красными камнями (на деле это были простые стекляшки, которые очень напоминали драгоценные камни), Селена вставила его в замок и, дважды провернув, открыла дверь, пропуская Чарльза вперед – в небольшой, но довольно уютный кабинет. Глава зашла следом и положила свою связку ключей на стол. Чуть погодя она опустилась в кресло и устремила

взгляд на расположившегося на стуле за противоположной частью стола Чарльза.

Тот с интересом рассматривал убранство ее кабинета. Казалось, здесь сочетались роскошь и уют, пребывая в вечной и безусловной гармонии. К примеру, ни в одной из комнат Браун не замечал и намека на искусство: мебель, мебель и еще раз мебель. А где-то, предположительно в одной из женских спален, еще и ворохи одежды, разбросанные по всей комнате. Нет-нет, вы не подумайте, Чарльз не открывал каждую дверь, лишь бы взглянуть на то, как живут члены клана. Просто некоторые из них были приоткрыты, потому взгляд сам скользил внутрь комнат.

И он сразу подметил это. Дело в том, что даже у такого отшельника, как Браун, были свои зачатки и драгоценные вещи. Например, те же артефакты, которые он когда-то собирал и сейчас хранил. Он выжидал, когда цена на них подскочит до небес, и безумно боялся, что эти самые артефакты кто-то утащит из-под носа. Возможно, здесь они будут в безопасности.

– Итак, я думаю, у тебя есть вопросы. Что ж, задавай, – она кивнула чему-то своему, сцепив тонкие пальцы в крепкий замок, и расслабленно выдохнула, выжидая.

– Чем вы занимаетесь?

– Уже не «вы», а «мы», – терпеливо поправила его Селена и коротко улыбнулась, раздумывая над ответом. – Если вкратце, мы защищаем жителей города. Думаю, ты быстро

разберешься и сам. Еще вопросы?

Чарльз немного помедлил, что-то тщательно сопоставляя в своей голове. Это можно было увидеть и понять по его лицу.

– Я не совсем понимаю, зачем нам, вампирам, заниматься таким делом.

Селена не раз слышала этот вопрос, заставляя себя не углубляться в историю и не вспоминать прошлое, где крылся истинный ответ. Безусловно, первое время было тяжело, но сейчас глава спокойно повторила уже заученный текст, который слышал практически каждый член клана:

– Есть такое понятие, как закон. Наша задача в первую очередь стоять за него, карая нарушителей и оберегая жизни тех, кто ему послушен. В этом и заключается политика клана. Проще говоря, есть одно большое зло для людей здесь – Мафия, но в противовес злу всегда должно быть добро, так? Вот мы и являемся этим добром.

Несмотря на примеры, которые могли показаться детскими, глава говорила абсолютно серьезно. Такое объяснение удовлетворило Чарльза, ведь теперь более или менее была ясна суть. Он кивнул, как бы показывая, что понял и принял ее ответ, но тут же Селена, положив подбородок на сцепленные пальцы, с легкой ухмылкой, словно ждала момента для того, чтобы продолжить, произнесла:

– Но мы придерживаемся не только законов, установленных в человеческом обществе. У нас также есть и свой устав,

за нарушение которого любой поплатится головой.

Опустив руки на стол и чуть склонив голову к плечу, Селена устремила пронзительный взгляд на собеседника, словно желая заглянуть в самую глубь его души, увидеть его тайные страхи. Не дожидаясь встречного вопроса, она продолжила:

– Во-первых, ты – не разведчик, а потому тебе запрещено надолго покидать поместье днем. Только ночью, с остальными. Во-вторых, запрещено выдавать свою принадлежность к Детям Ночи, – явно не случайно она повторила название клана, желая, чтобы Чарльз запомнил его. Запомнил, чтобы никогда не повторить вслух.

До ушей Селены долетел слухок, что в городе люди боятся даже называть ее клан в каких-то людных местах, будто он что-то запретное, о чем не говорят громче полусшепота, мол, услышав о себе, защитники ополчатся на того, кто назвал их. Отчасти это было правдой, но лишь для членов клана, отважившихся обсуждать свой дом на людях.

– Ну и, в-третьих, нельзя рассказывать кому бы то ни было о клане никаких сведений. Все, кто должны о нас знать, – знают.

Браун лишь кивнул, переваривая полученную информацию, опять же, показывая, что понял главу. Теперь ему было ясно, почему он не слышал об этом клане практически ничего. А если и слышал, то уже попросту не помнил.

– А теперь я покажу тебе твою комнату и поместье, если

ты не против, – Селена резво поднялась с кресла в каком-то неожиданно положительном расположении духа.

– Не против, – ответил Чарльз и последовал примеру главы, тоже вставая со своего места.

Глава вышла в коридор и, дождавшись, пока Браун сделает то же, заперла дверь на ключ. Подметив еще раз камушки на ключах, Чарльз вновь окинул взглядом второй этаж и холл поместья. Селена на секунду прикрыла глаза, а затем произнесла:

– Там, – она указала рукой влево, – находятся комнаты других членов клана, и доходить до самых крайних дверей я тебе искренне не советую, – с легкой ухмылкой, наверное, уже попросту свойственной ей за неимением другого амплуа, сказала она. Вроде бы интриговала, но те нотки в ее голосе, что обычно едва различимы, предупреждали об опасности, и Чарльз уловил их.

– Поэтому пойдем лучше туда, – подбородком она указала в противоположную «опасной» части поместья сторону. Ту, откуда они пришли и куда теперь направилась.

С одной стороны двери, с другой перила и высота – вот что окружало их все то время, пока они шли к главной лестнице. Мимо нее можно было пройти и дальше, в левое крыло поместья. Туда Селена и повела новоиспеченного посредника.

– Половина сейчас на разведке, так что не удивляйся, что здесь так пусто, – словно прочитав его мысли, сказала глава.

А ведь Браун и впрямь подметил, что как-то пусто-

то в холле и коридорах, но вновь лишь кивнул на ее слова. Словно решив опровергнуть все мысли о пустоте поместья, в коридор вдруг вышла девушка. Та самая, которая четвертью часа ранее повздорила с другой. Разве что теперь она не выглядела такой взбешенной. Незнакомка оглядела Чарльза с ног до головы, похоже, только сейчас заметив, что не встречала его ранее.

– У нас в клане пополнение? – с улыбкой спросила она, показав Брауну свои клыки, и завиляла волчьим хвостом, выражая тем самым интерес.

– Да, знакомьтесь. Чарльз, это Рамона Этвон. Рамона, это Чарльз Браун, – представила их друг другу Селена, тоже улыбнувшись.

– Очень приятно! – сказала Рамона, приблизившись к вампиру и обнюхивая его, чуть ли не касаясь носом его щеки. Последний же замер, несколько опешив.

Рамона вскоре отстранилась, по-детски радостно улыбнулась и, наострив волчьи уши, выдала:

– Чистокровный! Добро пожаловать в клан! – хихикнула она. А затем, видимо, вспомнила, куда собиралась пойти, и, помахав рукой, направилась к лестнице.

– Забавно, что она ведет себя как волчонок, – все еще улыбаясь, проговорила Селена, проводив ту взглядом.

– Да, – коротко и немного растерянно ответил Чарльз.

Глава не спеша пошагала дальше. Браун молча последовал за ней, вдруг спросив:

– А кто была вторая девушка?

Очевидно, он вспомнил сцену, увиденную по пути в кабинет вампирши.

– Это Берта. Личность крайне недружелюбная к некоторым членам клана, но сама по себе она милая, – пояснила Селена. – Вообще, дриады не есть особо добрые существа, но особенно она не ладит именно с Рамоной по непонятным причинам.

– Понятно, – кивнул Чарльз.

Он спрашивал, потому что совершенно не желал, чтобы кто-то трогал его лишний раз, и рад был избежать особенно недружелюбных и приставучих личностей.

А Селена тем временем открыла одну из дверей, несколько отличавшуюся от остальных своей облицовкой: ни одна другая не была украшена резьбой, а эту словно специально выделили. Нажав на ручку, глава открыла ее, являя взору небольшую винтовую лестницу, закручивающуюся спиралью и ведущую, очевидно, на чердак. Селена начала подниматься по ступенькам, жестом позвав Чарльза за собой. Браун последовал ее примеру, также начав подниматься наверх. Лестница была небольшой, через пару десятков ступенек наши герои вышли к большой арке, а их взглядам предстала огромная комната со множеством стеллажей. В нос ударил запах книг. Первой туда зашла Селена, и практически сразу же ей навстречу вышла другая девушка. Ее правильные и несколько аристократичные черты лица неплохо дополня-

ли небольшие очки в тонкой оправе. Очевидно, это была архивариус здешней библиотеки. Пока Чарльз оценивал внешность незнакомки, девушки уже успели перекинуться парой слов, а затем последняя подошла к Брауну, приветливо улыбаясь.

– Добро пожаловать в клан! Меня зовут Кора Деррин. Если что-то будет нужно, то меня всегда можно найти здесь, – спокойно проговорила она, оглядывая парня.

– Чарльз, очень приятно, – ответил он. Пусть мужчина особым радушием и не выделялся, ему было приятно, что все здесь хорошо к нему отнеслись.

– Что ж, теперь ты знаешь дорогу до библиотеки. Если что, Кора всегда рада помочь, – говоря это, Селена погладила девушку по голове.

На время распрощавшись с ней, глава продолжила свою экскурсию. Спустившись по описанной ранее лестнице, Селена провела Брауна к главной, и они оказались вновь в холле.

– Там, – она указала в левое крыло поместья, на белые, довольно-таки большие и массивные двустворчатые двери, недолго думая направившись к ним, – наш тренировочный зал. Ты можешь приходить сюда в любое время, можешь звать кого-нибудь на тренировку вместе, тут полная свобода действий, – пояснила Селена, подойдя к дверям.

Увы, здесь фокус с щелчком пальцев уже не прошел бы. Главе пришлось взять железные кольца, которые и были руч-

ками, и потянуть их на себя, чтобы отворить двери. Сразу же можно было увидеть большое и светлое круглой формы помещение в два этажа высотой, где было множество манекенов, мишеней, несколько гимнастических установок, а также на стенах висело разное оружие, начиная резными мушкетами и заканчивая саблями и мечами. Правда, Чарльз успел лишь мимолетно окинуть зал взглядом, его внимание привлекла еще одна девушка: длинные угольно-черные волосы, красное платье, очень похожее на кимоно, в руках длинная катана. Только завидев Брауна, девушка нахмурила свои тонкие брови и, недолго думая, метнула тому прямо в голову небольшой нож, который ловким движением достала из-за пояса. Благо, Селена поймала оружие у самого лица успешного побледнеть пуще прежнего вампира.

– Ева! – воскликнула девушка, отправляя нож обратно. Глава знала: та либо увернется от своего же оружия, либо отобьет в сторону. Тем не менее, сделав этот отвлекающий маневр, Селена быстро закрыла двери, оставляя так называемую Еву вновь в одиночестве.

– Как видишь, в клане есть личности, не терпящие других, и Бренон – та, кого я тебе советую действительно избегать.

Кашлянув в кулак, Чарльз несколько недоуменно посмотрел на Селену. Такого он явно не ожидал.

– Уж извиняй, – ухмыльнулась в ответ на его взгляд глава и тут же развернулась, чтобы продолжить экскурсию, но чуть не врезалась в миловидную беловолосую девушку.

– Иветта?! – теперь пришла очередь Селены переживать эффект неожиданности.

Девушка никак не отреагировала.

– У нас пополнение? – поинтересовалась Иветта, подходя к Брауну и окидывая его холодным безразличным взглядом.

– Да, это Чарльз Браун, – представила его Селена, глядя на Иветту.

– Добро пожаловать в клан, – холодно сказала она, а затем отвернулась от мужчины.

– Это моя левая рука, Иветта, – сказала глава, когда девушка ушла – а ждать долго не пришлось.

Чарльза всего на мгновение отвлек тихий вскрик, как бы подтверждающий зарождавшиеся мысли о том, что тихо здесь бывает разве что в жилых помещениях. За ним – криком – шипящая ругань, когда в холл ворвалась среднего роста девушка, до мелочей напоминавшая ему Селену.

– Они изменились! Слышишь?! Изменились! – казалось бы, ее радости не было предела, она готова была вот-вот запрыгать, тем не менее старалась держать себя в руках.

Вслед за ней, краснея от злости и негодования, выскочил еще один субъект: юноша был немногим выше своей собеседницы, но тем не менее умудрился смерить ее одним лишь взглядом. Браун неуверенно коснулся руки главы, как бы удостовераясь в том, что она еще здесь, а ему ее двойник отнюдь не привиделся. Однако сама глава тоже была немало удивлена подобным раскладом.

– Селина?.. – Селена шагнула ближе к только что названной девушке. Чарльз последовал ее примеру, с невольным интересом, но куда большим негодованием наблюдая за происходящим.

– Что у тебя с глазами? Они же были зеленые...

Радость Селины быстро сменилась легким трепетом, который та чувствовала каждый раз при виде главы. А еще тогда, когда она представляла себя на ее месте. Впрочем, и эти чувства перебил еще разгневанный юноша.

– Эта дура решила прибегнуть к магии, чтобы изменить цвет глаз! – Селина хотела возразить, но ей и слова вставить не дали. – Не отрицай, что дура! Ты могла бы лишиться зрения, понимаешь, дурья твоя голова?!

– Прекрати оскорблять меня, Фуку! – тут же взвилась девушка, отмахиваясь от юноши, словно от назойливой мухи.

– Он за тебя волнуется, – тут же встряла Селена и укоризненно покачала головой. – Как и я. Зачем ты это сделала?

Селина заметно стушеввалась, но тут же нервно улыбнулась, махнув рукой.

– Это уже неважно. Главное, что получилось!

Она схватила притихшего Фуку за руку и потянула в сторону тренировочного зала, скрывшись за его массивными дверями, но буквально через секунду выскочив обратно в холл и так же за руку уведя юношу в комнату под лестницей.

В глазах Чарльза читался немой вопрос.

– Это Селина, – сконфуженно произнесла глава, пожилая плечами. – И Фукурутачи. Он моя правая рука. Иногда замашки Селины пугают, но Фуку всячески пытается вправить ей мозги. Он хочет, чтобы она перестала мне подражать. И не только он. Самой иногда не по себе от этого.

Глава вздохнула, неопределенно качая головой и усердно думая над тем, что же она пропустила.

– Думаю, сад ты сам найдешь... Есть еще подвал с пленниками – на случай, если у тебя случится приступ голода. Помочь найти?

– Э-э, – Чарльз что-то невнятно проворчал, качая головой, очевидно, отказываясь от предложения Селены.

– Как знаешь. Если что, можешь попросить любого, кроме Евы, о помощи, – пожав плечами, сказала Селена, а затем, словно вдруг что-то вспомнив, встрепенулась:

– Идем, я покажу тебе твою комнату, и закончим уже с этим.

Кивнув, Браун последовал за ней, быстро преодолев все ступеньки лестницы и вновь оказавшись на втором этаже, стремительно свернув в левое крыло и остановившись у одной из самых крайних комнат, видимо, оставшихся свободными. Нажав на ручку двери, Селена провела Чарльза в обычную, просто, но со вкусом обставленную комнату.

– Теперь это твоя комната, ты можешь обустроиваться как пожелаешь, тут полная свобода действий: любые перестановки либо приобретение новых вещей – все в твоём распоряже-

нии. Если что, Гислан, дворецкий, поможет тебе, – она сделала паузу, чтобы дать Чарльзу полностью осмотреться, а после взяла лежащий на прикроватной тумбочке ключик. – Это от замка, – она показала в своей руке ключ. – Пусть все и редко запирают двери, ведь воров среди нас нет, может, тебе пригодится, – пожала плечами она.

Вновь кивнув, как китайский болванчик, Чарльз взял этот ключик и бережливо припрятал в карман. Он также подумал о словах Селены по поводу обустройства комнаты: она сказала, что он не разведчик, а потому во время ночных вылазок он вполне мог вернуться к себе домой, дабы прихватить пару нужных вещей.

– Ладно, располагайся, а у меня еще дела, – сказала глава, спешно покинув комнату Брауна и вскоре, преодолев коридор, скрылась в своем кабинете. Где-то поблизости с ним мелькнула тень дворецкого, а Чарльз на несколько минут задумался, сидя на кровати и глядя в пол, анализируя теперь ход и уклад своей новой жизни.

«Надо же, как глава Детей Ночи может поменять жизнь любого, кто покажется ей полезным, в один лишь день...» – подумал он.

Глава IV, в которой Анкерпрасад засыпает

Высокие горгульи, устрашающе нависшие над тропой, ведущей в самое сердце Ада, являлись извечными стражами этого места. Холодный каменный взор пронзал всякого вошедшего насквозь, выворачивая душу наизнанку, как их хозяева выворачивали своих врагов, врагов клана и врагов главы. Бесспорно, эти звери были красивы, опасны, величественны, словно настоящие. Хотя кто сказал, что они не могут быть живыми? Может, именно сейчас они сойдут со своих мест и порвут замершего в немом восторге человека, не оставив от его существа ничего. Совершенно ничего, кроме тлеющего в агонии боли и животного страха тела.

Юноша шагнул с выложенной ровным камнем дорожки, все еще чувствуя на себе этот пронзительный взгляд, и принялся с неподдельным интересом изучать рельеф замысловатых рисунков, покрывающих эти стены. Ею была украшена вся нижняя часть фасада. «Ею» – то есть историей. Историей этого замка, кажется, поднятого из самой Преисподней, оставленного здесь и призванного быть пристанищем для каждого демона, для любого отвергнутого силой Света существа. Однако даже он не был уверен в том, что его здесь примет. Он не был чистокровным демоном, не мог зваться сильнейшим даже из полукровок, но был определенно сильнее

любого человека. Впрочем, как и каждый здесь. Ему быстро надоело рассматривать историю, и юноша вернулся к центральному входу. Стоило бы наконец хотя бы войти в замок, а потом и главу обитающего здесь клана найти.

Тима – а именно так звали полукровку – всевозможные знакомые, коих было, правда, немало, всячески пытались отговорить от подобной идеи. Аргументы у всех складывались на лету, но Спенсер знал, почему они все были против его вступления в ряды Исчадий Ада.

Дело в том, что уже не первый век люди им нагло пользуются. Тим – простой и доверчивый, и особо изворотливые умели этим воспользоваться себе во благо. А вступи он в клан, где таких, как он, минимум десятков, привычная им тактика наверняка не сработает. Более того, при всем желании и нужных обстоятельствах, которые подстроить совсем не трудно, он может и покончить с ними. Раз и навсегда. Естественно, Спенсер и думать не мог о чем-то таком. Все-таки общение с людьми даром не прошло, это заметно сразу. Полукровка и сам за собой замечал тот факт, что несколько размяк: еще одна причина, по которой он решился на подобный шаг.

Он неторопливо и с опаской подошел к тяжелым на вид дверям и уже было потянулся, чтобы хорошенько ударить по ним пару раз, да не успел. Совсем близко, прямо над ухом прогремело рычание, затем – глухой стук. Тим отпрыгнул от дверей, не на шутку перепугавшись. Причем очень вовре-

мя.

Горгульи, до этого казавшиеся лишь статуями, ожили, ухмыляясь звериным оскалом и рыча, пристально рассмотрели полукровку, но, кажется, не заметив для себя ничего особенного, неторопливо отворили высокие двери. Еще раз окинув поляну внимательным взглядом, словно боясь, что в замок проскочит кто-то посторонний, они замерли вновь, в тех же позах, обращая кожу в трескающийся камень.

Спенсер помедлил: подобное представление сорвало его уверенность в том, что его хотя бы выслушают. А ведь сначала казалось, что замок и охраны-то не имеет! Но судя по тому, что случилось со статуями на входе, точно такие же стражники могли ожить и на кольцах башен, на что смотреть, может, захватывающе, а быть их целью непосредственно – безумно страшно. Тем не менее, собрав свою маску уверенности и желая, он уверенно подступил к порогу, теперь уже замечая, как дергаются зрачки горгулий, следящих за ним.

Когда зал опустел окончательно, мужчина устало выдохнул, потирая и массируя пальцами виски. Он в который раз разочаровывался в собственных подчиненных и в который раз сам у себя спрашивал, где он умудрился набрать это стадо, не умеющее мыслить объективно. Хотя, если уж на то

пошло, ими же и проще помыкать: как-никак, некоторые вопросы нужно решать далеко не силой, и, к счастью, глава умел и это.

– Вы напряжены, – бархатный голос слуги сейчас вызывал у мужчины очередной приступ тошноты. Он махнул рукой, когда та, кажется, желая помочь, порывалась коснуться его плеч, сделать массаж, но главе этого не нужно – это он дал понять сразу. Девушка отступила, потупив взгляд и опустив голову, ожидая хоть каких-то приказаний.

Однако их не поступало минуту, две, пять, десять. Глава и сам не заметил, как полностью ушел в себя, а ей оставалось лишь молча стоять, ибо без должной причины сойти со своего места она не посмеет – тут это не приветствуется.

Мужчина задумался о том, как быть дальше. Двоих нарушителей он поймал благодаря Луи Бир, но расколоть так и не вышло никого из них. К его огромному неудовольствию, с их прошлой встречи Франсуа стала сильнее, а вкупе со странными способностями мальчишки мужчине едва не пришлось пользоваться всеми своими силами: иначе бы сбежали, точно сбежали, чего допустить он никак не мог. То было равно утечке очень важной информации, ибо эти двое точно успели что-то подслушать и, очевидно, даже нашли то, что искали. Отпустить их было бы непростительной ошибкой, допускать которую он не имел никакого права.

Тяжелые двери зала внезапно распахнулись, громко ударившись о стены, когда на пороге появилась явно недоволь-

ная, даже разгневанная физиономия Марии Блю.

– Две новости, – не дав главе вставить и слова, она быстро заговорила, толкнув в просторное помещение, казалось бы, уже безвольное тело. – Не удалось узнать даже имени того мальчишки, и к нам заявилось вот это.

Она выразительно взглянула на сплюнувшего кровь парня и тихо фыркнула: неудачник. Однако мужчину этот индивид заинтересовал, и даже очень.

– Ната, помоги ему, – под удивленный взгляд Блю он махнул рукой притихшей служанке. Та тут же поспешила исполнить приказ, тихо радуясь тому, что в этот раз ноги не подкосились от волнения, которое она испытывала каждый раз наедине с демоном. Наталия не была удивлена подобному раскладу: каждый член их клана прошел через такое маленькое посвящение.

– Очевидно, я переоценил тебя, Мария. Он остался жив.

– Я просто подумала, что, может, он пришел за теми двоими...

– Тогда ты не только слаба, но и глупа, – мужчина оскандился, но тут же, словно потеряв интерес, махнул рукой. – Пошли Бир в темницы. Я хочу, чтобы к утру хоть один из них раскололся.

Мария тут же засуетилась: не слишком хотелось почувствовать на собственной шкуре гнев главы, точнее сказать, не хотелось совсем, по понятным причинам. Она сама недавно пришла в этот клан, чуть не получила когтистой лапой

по лицу от одной из горгулий, а заодно набила пару шишек, пытаюсь увернуться от атак нелюдистой и крайне жестокой Луи. И чудом увернулась, чем заслужила интерес главы и красный ковер на пути в список клана. Отношения с разбрасывающейся камнями настроений дриадой не заладились уже тогда. Мария стала объектом лютой ненависти Бир, потому что, как оказалось позже, пережив ее нападение, она лишила ту звания советницы главы, поставив под удар. Однако она и по сей день не чувствовала своей вины за это и искренне не понимала корней обиды соклановца. Да что там – она даже не пыталась разобраться в этих путях, но сегодня, видимо, придется на собственной шкуре ощутить, каково это.

Тяжелые веки разлепить было крайне трудно, еще труднее – приподняться на мягкой постели, и совсем невозможно без боли и горечи где-то в душе упасть обратно на подушки. Тим совершенно не помнил, что произошло такого, что сейчас он толком и пошевелиться не может: каждое движение неприятной тягучей болью вибрировало чуть ли не в каждой части тела, словно его избивали очень долго и старательно, ломая каждую кость, не оставляя живых мест. Конечно, это было не так, иначе боль была бы невыносимой, хотя и сейчас не сахар.

Спенсер отдышался, прежде чем сделать еще одну попытку подняться, которая, к счастью, оказалась успешной. Он окинул комнату, погруженную в приятный для глаз полумрак, каким-то хмурым и несколько озадаченным взглядом: помещение оказалось совершенно незнакомым. Постепенно сознание начало возвращаться, а пазл воспоминаний складывался в единую и не самую красивую картину. Темные оттенки обстановки в этой комнате быстро уступили место мрачным цветам коридора...

Тонкие свечи в высоких канделябрах плохо освещали путь, и хотя полукровка мог поклясться, что коридор абсолютно чист и риска упасть, сломать что-нибудь себе или из вещей не было, но идти, едва видя собственные ноги, было как-то тяжело.

Где-то в конце коридора мгновенно распахнулась дверь, громко ударяясь о стену. Сразу подумалось, что кто-то явно не в духе, и попадаться этому кому-то не хотелось совершенно. Тим совсем не знал здешних обитателей, но почему-то был уверен в том, что рискует остаться без головы, заметь его раньше вступления в ряды. Он тут же двинулся в сторону первого поворота и мельком заметил лихорадочный блеск голубых глаз в темноте. Невольно он сравнил его с каким-то хищным взглядом, каким охотник наблюдает за своей добычей откуда-нибудь из кустов, готовясь стрелять на поражение.

Спенсеру показалось, что и в него уже готовы стрелять, но неизвестный лишь размеренным шагом подступал к полукровке, что ничуть не облегчало его собственных мыслей. Но когда в туманном и размытом свете догорающих свечей холодно блеснул металл, Тим уже приготовился прощаться с собственной зазря прожитой жизнью.

Ноги сами понесли его к заветному повороту, и, чудом увернувшись от удара, полукровка привел нападающего в бешенство. Удар незамедлительно пришелся в стену, испортив обои и, кажется, уронив одну из позолоченных рам. В недовольном рыке он различил нотки женского голоса и очень удивился: с чего бы девушке на него нападать ни с того ни с сего?

Впрочем, ответа на вопрос он не получил. В спину ударили с какой-то нечеловеческой силой, и Тим, кажется, услышал, как жалобно хрустит собственный позвоночник. Разум тут же обволок липкий и до неприятного холодный страх. Только вот страх перед чем? Мнимой, но, возможно, скорой смертью? Или перед этой самой девушкой, очевидно, принявшей Тима за врага?

Ноги подкосились, а в горле застрял вопль боли и отчаяния: только что его одолела девушка! Лучшей концовки его отвратительной и бесполезной жизни не придумаешь. Сокрушенно упасть на мягкий бордовый ковер ему не дали, заставляя теперь идти вперед, не разбирая дороги.

Тяжелая серебряная цепь в который раз издала жалобный лязг, ударяясь о стену одной из темниц подвала. Анкерпра-сад был, кажется, в ярости, ведь за проведенные в заточении сутки так и не оставлял попыток сломать цепи, на которые демоны этого клана не пожалели денег, сделав их из серебра. Запястья болели, дергать руками не было сил, но он почему-то не сдавался, наивно преследуя надежду на то, что в один прекрасный момент цепи не выдержат натиска и попросту сломаются.

Марвари уже в сотый раз пожалел, что полез в этот замок, пожалел, что остановился тогда, чтобы подслушать разговор. Какая-то горькая обида на злую судьбу засела глубоко в душе, порой заставляя винить в случившемся себя, притихшую рядом Франсуа, да и весь мир за компанию. Он ведь сделал лишь первый шаг и тут же оплошал! Неужели ему просто не суждено найти родителей?

Гольц была прикована цепями к стене так же, как и он, разве что она не пыталась освободиться и, видимо, даже не лелеяла надежды на это. Она была где-то глубоко в своих мыслях и, казалось, полностью игнорировала ту девушку, которая их и поймала, чем заставляла ее буквально усыпать пол крупными камнями рубинов. И все-таки Анкерпрасада волновало то, почему Франсуа молчит. Сначала ее странное

поведение при одном лишь звуке голоса, как выяснилось, главы клана, которое не поддавалось для Марвари никаким объяснениям, а теперь это молчание, словно она умерла. Нет, не стоит об этом даже думать! Словно уснула.

На счастье Анкерпрасада, никто сейчас не трогал их, не пытался выведать информацию о том, откуда они и зачем пришли, что он не рассказал бы им ни за что. «А если потребовать главу и поговорить с ним?» – вдруг промелькнуло в голове юноши. Вариант казался невозможным, ведь сам глава вряд ли явится говорить с пленниками, тем не менее эта навязчивая идея вновь вытесняла все другие из его головы.

Марвари теперь стал дожидаться прихода этой жестокой, внушающей ему какое-то отвращение девушки, что и была их с Франсуа палачом. В ожидании время тянулось еще дольше. И какое-то легкое волнение оживало в животе, щекача изнутри, при мысли, что глава все-таки согласится поговорить с ним. Неожиданно цепи, которые сковывали руки Гольц, ударились о стену, издав звонкий лязг: она дернулась. Впервые за все это время она начала подавать признаки жизни.

– Франсуа! – воскликнул Анкерпрасад, а в его взгляде промелькнула какая-то спокойная радость, причиной которой, скорее всего, являлась «ожившая» наемница. Та в ответ лишь молча посмотрела на него, а в ее глазах читалось столько грусти и страха, что радость Марвари сошла на нет,

сменившись изумлением и беспокойством.

– Как ты? – спросил он, теперь уже волнение звучало в его голосе.

Гольц, очевидно, хотела что-то ответить, но из ее груди вырвался лишь сдавленный кашель. Можно было подумать, что воздух этого подземелья действовал на нее как нельзя более пагубно, разъедая легкие и убивая изнутри. Хотя чего говорить, он действовал удручающе и на Анкерпрасада, но еще более удручало их нынешнее положение.

Именно тогда в замке большой железной двери, которая и вела к ним в темницу, повернулся ключ, и с громким щелчком дверь отворилась. На пороге стояла их мучительница – Луи Бир. Только подойдя к пленникам, она сразу заметила очнувшуюся Франсуа, и широкая ухмылка, показавшаяся Марвари мерзкой, появилась на ее лице.

– Так-так, кто тут у нас? – с нескрываемой насмешкой, подчеркнуто высокомерно протянула Бир.

В ответ оба лишь предпочли промолчать. Только сейчас Анкерпрасад заметил, с каким яростным презрением Гольц смотрела на эту девушку. И та, несомненно, легко прочла это в ее взгляде, из-за чего, может быть, и замахнулась для удара.

– Стой! – крикнул Анкерпрасад, удивившись, что это смогло остановить Луи, пусть до лица Франсуа и оставались какие-то жалкие сантиметры. Та лишь как-то неопределенно взглянула на него, скорее всего, говоря: «Ты еще смеешь твякать, шенок?»

– Я хочу... – начал было Марвари, но осекся.

Он вспомнил, что было с Франсуа, когда она слышала голос главы, и очевидно, что если сейчас он согласится поговорить, ей придется видеть его – что тогда с ней будет? Почему-то именно это и заставило его оборвать фразу, чтобы вовсе ее не продолжать. Именно сейчас он понял, что не желал бы Гольц страданий: она ведь согласилась помочь ему, так если сейчас ей он не может помочь, то может не усугублять.

– Хочешь? Что ты хочешь? – насмешливо спросила Бир так, словно ее это волновало. Стоило ей сделать шаг вдоль стены, как она уже оказалась перед Марвари.

– Этого хочешь? – только с ее губ сорвалась эта фраза, как по щеке Анкерпрасада пришелся удар, заставивший его отвернуть голову и закусить губу от осознания: его бьет девушка.

А Луи на секунду остановилась и, словно ее только что посетила гениальная мысль, развернулась, взяв с небольшого стола, стоящего у противоположной стены, плетень, после замахиваясь уже ею и не глядя ударяя Анкерпрасада. Марвари, в свою очередь, принимал все удары и уже не пытался увернуться, как было до этого. Он просто безвольно повис на цепях, а его сознание уходило куда-то прочь. Последнее, что он запомнил, это полный негомо испуга и волнения взгляд зеленых глаз Франсуа, а также жгучую боль от ударов на груди.

Глава V, об организации Мафиози

Холодный воздух, на удивление, сейчас лишь согревал девушку. Задумчивая улыбка была доказательством того, что она ушла в себя без остатка. Был ли то шанс на побег или просто судьба играет злую шутку с несчастным человеком – понять сложно. Почти невозможно. Это незнание и непонимание ситуации лучше всяких кандалов удерживало жертву на месте.

Хотя, Боже правый, что тут понимать-то? Просто от этого ничтожества скоро не останется и следа, пустынную улицу заполнит вопль ужаса и отчаяния, а в глазах навечно застынет разочарование и боль. То, что так любит девушка, мимо чего пройти не может. Но, как бы ни было прискорбно, даже такая, как она, должна понимать, что со временем все игрушки изнашиваются, надоедают, становятся ненужными.

Воздух в темном переулке в то же мгновение сотряс громкий вопль, полный странного облегчения, и тут же затих. Обезглавленное тело на вид интеллигентного мужчины безвольно упало на местами разбитый асфальт. Девушка криво усмехнулась: после всего пережитого тот явно был рад своей смерти, ждал ее, и демонесса не могла толком понять, с чего вдруг? Ведь смерть – это так скучно. Она не могла утверждать, что выбрала бы жизнь в вечных мучениях, нежели подобную скуку, но искренне не понимала тех, кто делал имен-

но такой выбор. Ведь жизнь теряет всякую ценность, когда человек вот так просто прерывает ее ради облегчения собственных мук.

Признаться честно, вылавливание таких «мышей» уже начало надоедать девушке. Возможно, слухов о ней самой ходит уже много, и она вполне может гордиться подобной славой, но с каждым убийством удовольствия становилось все меньше, а ощущение, будто она делает все зря, лишь возрастало. Такое неприятное, оставляющее после себя ужасный осадок.

В любой момент сюда могли наведаться члены загадочного клана: Мелани определенно знала, что они не спят ни днем, ни ночью, и их вполне мог привлечь странный шум. Она не боялась их, но и не желала встречать в одиночку, тем более до того момента, пока не выполнила одно маленькое дельце.

Темные тучи застлали собой весь небосвод, не пропуская лучей Белой Звезды. Прохожие ускорялись, некоторые уже забегали в магазинчики и кафе, так сильно не желая мокнуть под дождем. С одной стороны, их можно было понять: прилипающая к телу одежда не была приятной, да и выглядела не очень красиво, но с другой, ведь есть и те, кто любит дождь? Значит, в нем есть и плюсы.

Мелании нравилась в нем та свобода, которая ощущается с первыми каплями, упавшими на землю. Нравился аромат свежести дождя. Если бы она умела чувствовать что-то, кроме голода и небезосновательного высокомерия, то могла бы сказать, что, как бы ни банально, во время ливней безумно хотелось плакать. Рыдать вместе с облаками, зная, что никто не сможет различить слезы и капли дождя. К счастью или нет, Мел не могла себе этого позволить. Это было бы слабостью, точно стало бы доказательством того, что она начала жить полной жизнью. Начала бы, не будь это в самом деле чем-то из области фантастики.

Демонесса заполняла эту пустоту убийствами, окрасом крови на руках и не могла сказать точно, понравилось бы ей плакать среди дождей сильнее, чем слушать рыдания и мольбы о пощаде ее непутевых жертв. Выбрать что-то одно было почти невозможно, столь соблазнительны были оба варианта.

Запах свежей хвои и влажной коры деревьев, сладковатый аромат последних цветов – весь контраст бросался в глаза, впрочем, вызывая лишь удовлетворенную улыбку: несмотря на непривычность запахов, они были довольно приятны.

Легкий взмах девичьей руки сопровождался тихим стуком в дверь. Было видно, что поместье не ремонтировалось много лет. Очевидно, у его хозяев не было либо времени, либо средств на подобные растраты, но его загадочный вид ничуть не портил картину, как раз наоборот.

У подножья невысоких холмов, заставленных лесами, это поместье было скорее приятным и очень уместным дополнением, но Мелани не заметила бы его, не будь он ее целью непосредственно.

Ждать пришлось недолго: с тихим протяжным скрипом двери поместья распахнулись, и перед Меланией предстала низкого роста девочка, которая была такой худенькой, что на долю секунды девушке стало даже жаль ее. Незнакомка окинула любопытным взглядом демонессу, а затем испуганно спросила:

– В-вы кто?

Она слегка заикнулась, и такая реакция вызвала у Мел смешок.

– Можешь звать меня Мелани, – усмехнулась демонесса, входя в поместье без всякого приглашения, чем заставила бедную девочку буквально отскочить в сторону.

Не будет же она – высший демон – ждать разрешения войти? Определенно, ответ очевиден. Но почему тогда она явилась в Мафию – самое настоящее сборище отбросов общества, а не к тем же Исчадиям Ада, например? Все просто: строгая иерархия – то, чего Мелани не хотела видеть в своей жизни. Или она первая, или не в одной лодке с остальными, и третьего не дано. Потому она и здесь: ей надоело существовать подобно всем остальным демонам – от контракта до контракта, прислуживать людям ради их безвкусных и не представляющих особой ценности душ. А в Мафии она

сможет проявить свою настоящую сущность, показать, что значит быть демоном, и никаким контрактом скована она не будет. Полная свобода действий – то, чего она желает. Она высшая, но относительно юна по демоническим меркам, она еще не накупалась в крови врагов, еще не упилась сладкой победой и сражениями. И даже если ее не пожелают принять, Мелани не моргнув глазом прикончит главу, чтобы все равно здесь остаться.

Пройдя в холл, Мелания остановилась, обернулась к дверям и заметила, что впустившая ее девчонка уже куда-то убежала. Про себя Мел отметила, что внутри особняк выглядит куда целее и больше похож на жилое здание, нежели снаружи. «Жаль, что эта девчушка убежала, я могла бы спросить у нее, где глава», – пронеслось в голове демонессы. Но, пожав плечами, она направилась на второй этаж, быстро найдя большую многоступенчатую лестницу, туда и ведущую.

Поднявшись по ней, Мелани оказалась в коридоре, вдоль одной из стен которого были лишь окна, сквозившие холодным осенним воздухом, вдоль второй – двери, как можно было предположить, жилых комнат самих мафиози. Демонесса не спеша двинулась вдоль них, оглядывая каждую дверь, словно это могло бы помочь ей понять, кто за ней находится. Отчасти – да, она действительно легко чувствовала, есть ли кто-либо в той или иной комнате, а во всем этом ей помогали их души. Мелани была наделена такой способностью, правильнее будет сказать, даже чутьем, позволяющим опре-

делять качество души и некоторые сведения о ее владельце. И, воистину, все души, которые она пока почувствовала, не вызывали у нее ничего, кроме кривой ухмылки.

Однако довольно быстро она остановилась у одной ничем не примечательной на вид двери, повторно окинув ее взглядом. Такой интерес у демонессы вызвала далеко не сама дверь, а человек, находящийся в комнате за ней. Недолго думая, Мелани подошла к ней и открыла. Без стука, без предупреждения – взяла и распахнула. Стоило ей лишь заглянуть в комнату, как она столкнулась с возмущенным и удивленным взглядом серо-зеленых глаз, и тут же в ее сторону был умело запущен охотничий нож, от которого демонесса тут же уклонилась, звонко смеясь при этом. Выпрямившись, она решила лучше рассмотреть молодого человека, который, кажется, лишь посмотрев в эти лиловые глаза, догадался о том, кто же их обладательница. Мелани потому и заглянула к нему, ведь всегда было забавно понаблюдать за реакцией на нее всяких религиозных фанатиков, за которого она и сочла мужчину. «Интересно, что он забыл в Мафии?» – с насмешкой подумала демонесса, улавливая на его лице гримасу бешенства вкупе с возмущением и презрением, что вызвало у нее новую волну смеха. Мел захлопнула дверь прямо перед носом уже готового броситься на нее с оружием мужчины и, так же смеясь, мгновенно оказалась в самом конце коридора, направившись дальше. «А здесь будет весело! Впрочем, как я и ожидала», – подумала она, усмехнувшись.

Определенно, демонессу сместили эти самоотверженные попытки людей победить ее с помощью святой воды и всего подобного. Она все-таки не какой-нибудь там мелкий бесшабашный бесенок. Ей вообще были чужды их эмоции, оттого и непонятны.

Тем не менее Мелани понимала, что отыскать главу без помощи кого-то из мафиози так быстро, как ей хотелось бы, она не сможет. Потому, опять же, раскрыв первую попавшуюся дверь, Мел вошла в просторную, довольно хорошо обставленную, заставленную разными снайперскими принадлежностями, а также разного рода огнестрельным оружием комнату. Мужчина, сидевший за столом и явно уже давно возившийся с одной из своих винтовок, сначала даже не обратил на Мелани внимания. Словно для него было в порядке вещей, что к нему вот так вот бесцеремонно приходят. Однако через несколько секунд он все-таки поднял взгляд на демонессу, оглядывая ее с ног до головы и, как мог бы понять любой, подмечая ее безупречную красоту. Ведь, как и свойственно демонам, Мелания обладала просто прекрасной внешностью и была способна свести с ума практически любого. Заметив, как глаза мужчины загорелись, Мел улыбнулась нарочито доброжелательно, едва показав свои клыки, откинула длинную угольно-черную косу на спину и посмотрела на него самым невинным взглядом.

– А вы, случаем, не глава этой организации? – поинтересовалась она, чуть склонив голову к плечу.

Мужчина уже хотел утвердительно кивнуть, но несколько встрепенулся, посерьезнев и ответив:

– Нет, я не тот, кого вы ищете. Но я могу отвести вас к нему.

Он поднялся с места.

– Грех такой очаровательной девушке не помочь, не так ли?

– Буду премного вам благодарна, – ответила демонесса, улыбнувшись. Она говорила подчеркнуто вежливо. Это было уже привычно для нее, не вымораживало от всех этих «пожалуйста» и «господин» в адрес таких ничтожных созданий, как люди, а ведь поначалу Мелании это очень претило.

Большой и просторный, весьма богато обставленный кабинет главы Мафии находился в другом крыле поместья и был целой квартирой, обустроенной куда лучше, нежели комнаты остальных членов организации. Как и ожидалось, тут каждый сам за себя, каждый думает лишь о своей выгоде, и мало кого волнует чье-то еще благосостояние, кроме своего собственного.

Джонатан Кайнерлан – глава Мафии и тот, кто смог впервые за время пребывания здесь Мелании разжечь в ней хоть каплю любопытства. Ей даже его внешность показалась вполне достойной: темные волосы были аккуратно уложены,

голубые глаза смотрели ясно, но будто с каким-то подозрением. Выглядел мужчина очень даже прилично, было в нем что-то аристократичное, будто и не он должен руководить таким сборищем, как местная мафия, но ошибиться демонесса не могла – именно он здесь главный. Джонатан окинул девушку беглым взглядом, а затем слегка прищурился.

– Какими же судьбами вас, прелестная леди, занесло в такое место, как наша организация? – поинтересовался он, привстав со своего кресла.

– Я пришла сюда на должность левой руки, – ответила Мел, ухмыльнувшись. В его манере говорить, в движениях и даже во взгляде чувствовалось что-то, что выдавало его принадлежность к самым сливкам общества.

– Почему именно левой? – Кайнерлан и не заметил, как в легком недоумении его бровь дернулась. – Спешу заметить, данная должность уже занята.

Джонатан, пусть он и не так давно занимал пост главы Мафии, всячески стремился избегать попадания в организацию разных нелюдей. Он страшно не любил их, потому что помнил, как однажды его непомерное любопытство и страсть в отношении одной из представительниц нечисти привела его в это место, чему он не был особенно рад. И все же он видел в этой девушке что-то нечеловеческое, как будто чувствовал ее сущность даже на расстоянии, к тому же она показалась ему невероятно красивой для простого человека.

Мелани не удостоила ответом мужчину, пусть мысленно

и ответила на вопрос, словно желая убедиться в своем же желании: «Все просто: быть главой и тянуть на себе целую организацию я не хочу. Мне нет никакого дела до престижа этого сборища, лишь бы было весело. Правая рука всегда представляет внешнюю политику организации, а меня это тоже не особо интересует. И только роль левой, отвечающей за внутреннюю политику, мне подходит. Не хочу забивать голову никчемными людскими проблемами, хочу смеяться, наблюдая за ними, пугать, показывать, что превосхожу их во всем».

– И за какие такие заслуги я должен вот так сразу дать вам должность левой руки? – не дождавшись ответа, вновь терпеливо спросил Джонатан. – Мне нужны выгоды.

Но ответом ему послужил лишь громкий, какой-то дьявольский смех.

– Выгоды? – сквозь хохот переспросила Мелани. – Быть под защитой высшего демона – вот самая большая выгода.

«Так и знал!» – с каким-то трепетом и в то же время недовольством подумал Кайнерлан. Теперь, когда было ясно, что эта девушка действительно не человек, Джонатан взглянул на ситуацию под другим углом: Мафия сейчас действительно нуждалась в пополнении не просто пушечным мясом, а нормальными членами. Его враги – тоже нелюди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.